

ЭРИНА ДАРК

ТРИЛОГИЯ
ТОМ ПЕРВЫЙ

ДЭЛИОН

СЛОМАННЫЕ ВЕТВИ

18+

Эрина Дарк

Аэлион. Сломанные ветви

<https://litres.ru/74420914>

SelfPub; 2026

Аннотация

Аэлион — мир над облаками, выросший у корней Великого Древа Лилит. Велория, Первый куратор и творящая, привыкла разбирать чужие прошения, работать над рукописями и держать собственную жизнь под контролем. Но близость с Арделлом, её личным распорядителем, меняет порядок, который веками казался незыблемым.

Обычное прошение о переводе ребёнка открывает цепочку странностей: исчезнувшая служанка, восемь подозрительных отказов и неизвестный артефакт. Рядовая проверка превращается в расследование. Пока Лилирен живёт привычной жизнью, оно уводит Велорию всё глубже в чужие тайны. Она ещё не знает, что скрывается за закрытыми дверями. Чем ближе Велория подходит к правде, тем страшнее цена, которую потребует расследование.

Содержание

Пролог	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Эрина Дарк

Аэлион. Сломанные ветви

Пролог

Говорят, первой была дорога. Шла по ней женщина, однажды оставившая за спиной жизнь, в которой право решать за себя сочли ошибкой. Ей сказали, какой должна быть её жизнь и кому принадлежит последнее слово. Она выслушала. И ушла.

Сколько лет длилась та дорога — предание не сохранило. В одних землях женщина задерживалась на день, в других оставалась на годы. Она знала травы, принимала роды, отводила горячку, сидела у постелей, пока смерть не отступала или не забирала своё. Люди благодарили её, боялись, гнали прочь и звали обратно. А она всё шла, пока дорога не привела её к морю.

За морем лежал остров по имени Атлантида. Его столица поднималась над водой белыми террасами; каналы проходили между улицами и садами, мосты соединяли берега, каменные лестницы спускались к воде с разных ярусов города. Там Лилит остановилась. Поселилась в стороне от дворцов, у круглого источника, и отвела от него семь узких каналов. Над каждым разбила по гряде: на первой поднялся ирис

цвета глубокой воды, на второй раскрылся алый ликорис, а дальше прижились лантана, кадупул, пион, стронгилодон и व्यюнок. Тогда их знали лишь как цветы. Лилит поила их, срезала сухое, мяла землю ладонями, и дети играли у воды, и женщины рожали в тени её сада, и больные лежали там, где от источника тянуло прохладой. Город звал её, шёл к ней, брал её помощь, не спрашивая, чего это стоит. Атлантида любила Лилит ровно до тех пор, пока была в ней нужда.

А потом начали умирать младенцы. Сначала один, после ещё, и всё больше домов по ночам не гасили свет. Лилит ходила туда, куда звали. Осматривала детей, меняла настои, сидела у колыбелей, спорила с лекарями, и иногда смерть отступала, а иногда нет. Причины не знала ни она, ни город, но безымянная беда человеку страшнее врага с именем, и потому имя понадобилось. Имя нашли.

Кто первым назвал Лилит виновной — предание не помнит, да это уже и не важно, потому что слух шёл по рынкам и дворам, поднимался от слуг к хозяевам, от хозяев к тем, кто держал город в руках. Женщина, столько лет державшая чужих детей, будто слишком много знала о детской смерти. Лекарства её стали отравой, одиночество — колдовством, а знание, за которым ещё вчера бежали ночью, — уликой. Обычной женщине знать не полагалось.

Правители вынесли приговор. Одни уже делили её землю и источник. Других раздражали её красота, знания и свобода, не просившая ничьего дозволения. Мужчина, которому

Лилит когда-то отказала, наконец получил слово, способное назвать старую обиду правосудием. Толпа кричала всё громче, потому что вчерашнего слуха к утру не хватало, а те, кто видел, что свидетельства лгут, молчали: против разъярённого города правда не обещала защиты. Над всем этим стояла власть, уже назвавшая свой приговор истиной.

Позже скажут, что в тот день у источника впервые собрались Семеро. У них не было тел, не было имён. Гордыня звучала голосами тех, кому право судить заменило доказательства; Зависть глядела на чужую свободу и видела в ней собственную нехватку; Алчность делила сад, не дождавшись смерти хозяйки; Похоть превратила отказ в право на мечь; Гнев наконец нашёл лицо, на которое можно было обрушить страх и бессилие; Чревоугодию мало было слуха — оно хотело зрелища; Ленъ осталась дома, и потому всё свершилось.

Лилит убили у источника. Железное копье вошло в тело, и она упала у самой воды. Кровь стекла меж камней, вошла в источник, разлилась по семи каналам, и каждая из семи гряд приняла её. Вода ушла в землю, и корни впитали вместе с нею то, что люди принесли в сад.

Потом пришёл выдох. Коснулся воды, прошёл за кровью, ушёл под землю. Говорят, источник дрогнул, и семь растений ответили. Ирис не склонился. В сердцевине ликориса зажёгся алый свет. Лантана приняла цвета, которых прежде не знала. Кадупул удержал цветок, чей срок уже подходил к концу. Пион развернул ещё один ряд лепестков. В полной

кисти стронгилодона налился новый бутон, и в его глубине проступило медовое тепло. Вьюнок нашёл опору и замедлил рост, будто следующий шаг мог подождать.

Тот последний выдох Лилит нарекут Первым Дыханием. А семь растений — Истоками.

Под землёй вершилось то, чего не видел никто. Корни тянулись к источнику, встречали другие корни, переплетались, срастались, и семь гряд, семь отдельных жизней сходились в одну. Со временем над источником поднялся молодой ствол. Год за годом он рос; корни поднимали каменные края каналов, крона вставала всё выше над садом, пока дерево казнённой женщины не стало видно с верхних террас Атлантиды.

А под землёй корни уже слышали человеческий мир. Когда один человек ставил себя выше другого, отзывалась одна жила. Когда боль обращалась в ярость — другая. Чужая полнота, рядом с которой собственная казалась беднее; ценность, которую страшно выпустить из рук; желание чужого отклика; удовольствие, которому всё мало; первый шаг, отложенный до потом, — всё находило дорогу вниз, к тому первому сплетению под источником. Дерево не спрашивало, кто прав, не выбирало достойных. Человеческий выбор питал его уже тем, что был сделан.

Шли годы. Однажды под водным зеркалом одновременно раскрылись семь врат. Из одной вышел тот, кто знал собственную высоту прежде, чем увидел другого. Из другой — тот, в ком напряжение уже требовало выхода. Ещё пять врат

отдали миру сравнение, обладание, желание, ненасытность и Лень, способную оставить первый шаг неначатым. Семеро вышли взрослыми и завершёнными, каждый — чистой силой одного начала, которое Древо так долго собирало в человеческом мире.

Некоторое время Семеро жили среди людей. Тогда и открылось: рядом с каждым одна человеческая черта звучала громче остальных. Раздражение труднее было удержать внутри. Сравнение сильнее задевало. Желание сохранить ценное крепче сжимало руки. Гордыня острее чувствовала собственную высоту. Наружу выходило то, что уже жило в человеке, и человеческий мир не выдержал долгого соседства с Семерыми. Они вернулись к Древу.

А оно росло. Через два или три десятилетия после смерти Лилит корни пронизали Атлантиду. Древо впитывало человеческие желания и вместе с ними запоминало город: линии каналов, мостов, башен, площадей, многоярусных садов. Камень всё чаще уступал живой древесине, старый сад разрастался, а над кроной истончалась сама привычная ткань мира.

Правители Атлантиды видели в Древе силу. Долгую жизнь. Тайное знание. Право получить то, чего прежде не удавалось удержать человеческими руками. Они вскрыли землю у источника и попытались добраться до Сердца Корней.

Говорят, именно тогда одному миру перестало хватать места для Древа.

Оно развернуло вокруг себя новое пространство и увело туда сад Лилит, круглый источник, семь Истоков и Семерых. Вместе с ними ушла живая память Атлантиды — всё, что корни успели принять за годы роста.

Сам остров остался в человеческом мире. Под городом зияли пустоты, оставленные ушедшей корневой системой. Земля ломалась под дворцами и улицами, море входило в разломы, пока за одну ночь не сомкнулось над Атлантидой.

Но Дерево сохранило её память. Каналы, мосты, башни, площади и сады, когда-то окружавшие Лилит, обрели другую жизнь под новым небом.

У нового мира были своя земля, свой горизонт и семь великих направлений, расхотившихся от единого ствола. Семеро больше не жили среди людей. Человеческий мир остался по другую сторону, но всё, что рождалось там из желания, порока, противоречия и выбора, по-прежнему находило дорогу к корням.

Так, говорят, родился Аэлион.

—

Около восьми тысяч лет спустя

Лилиррен, Аэлион

2000 год по человеческому летоисчислению.

Лайра поставила точку, перечитала последнее предложение и только после этого позволила себе отложить перо.

Чернила легли ровно. Ни кляксы, ни сорванной буквы,

ни дрогнувшей строки, по которой кто-нибудь потом решит, будто она писала в испуге. Четыре раза переписывала начало, дважды меняла формулировку в середине и дольше всего провозилась с последним абзацем. Прощение об отделении оказалось труднее годовой сверки материалов: там ошибку можно было найти по цифрам, а здесь каждое слово касалось её самой.

Лайра разгладила лист ладонью. Имя. Чертог мастера Кайрена. Должность. Требование передать прошение в Службу Древа и оформить отделение.

Хватит.

Эту мысль она повторяла с вечера и каждый раз находила ещё одну запятую, ещё одну резкую фразу и новый повод не вставать из-за стола. В углу на спинке стула висела дорожная накидка. Под ней стояла небольшая сумка с тем, что Лайра решила забрать. Немного. Несколько веков можно было служить одному дому и всё равно обнаружить, что вещи, без которых не хочется уходить, помещаются всего лишь в одну сумку.

Она потянулась к прошению, собираясь сложить его, когда за стеной прошли шаги.

Перо осталось лежать поперёк чернильницы.

Ночной Чертог конечно умел звучать. Вода во внутренних дворах не останавливалась после заката, дерево отзывалось на перемену температуры, где-то далеко младшие служебные существа заканчивали хозяйственные работы. Лай-

ра давно перестала замечать большую часть этих звуков.

Да вот только, шаги были слишком человеческие, существа чертогов так не ходят.

Звук доносился со стороны галереи.

Лайра медленно встала, чувствуя как холод поднимается под кожей.

В этот час там никто не должен был ходить. Парадные помещения закрывали раньше жилого крыла, рабочие — по последнему мастеру, а дальняя галерея числилась опечатанной до утра. Именно числилась: Лайра сама видела отметку в ночной ведомости.

Шаги приблизились и стихли.

Она выглянула из-за приоткрытой двери. Свет здесь держали приглушённым, чтобы ночью не тратить рабочий режим на пустые коридоры. Тёплые настенные полосы хватали край бронзовой отделки, тёмное дерево и гладкую штукатурку; дальше пространство распадалось на глубокие проёмы, где картины уже не различались.

Лайра тихо прошла до поворота и остановилась.

Дверь дальней галереи была открыта.

Она сначала посмотрела на неё. Потом — на тех, кто из неё вышел.

Мужчину Лайра узнала раньше, чем ребёнка рядом с ним.

Лицо уже однажды осталось в памяти, когда тот приходил пару месяцев назад за одним из воспитанников мастера. Рядом с ним шёл мальчик, на полшага впереди.

Лайра уже хотела выйти и сказать, что слишком поздний час для урока, да и дальше крыло не для занятий.

Но что-то заставило остановиться, заметив на запястье ребёнка узкий металлический браслет и то как мужчина положил ладонь ему между лопаток и направил к служебному проходу.

Лайра отступила за поворот прежде, чем они могли увидеть её.

Два месяца.

Столько прошло с прошлого раза.

Тогда этот мужчина пришёл днём. В Чертоге были заказчики, в мастерских спорили о пигментах, через парадную галерею несли подготовленную к отправке работу. Один из воспитанников уехал с ним к новому мастеру — так ей сказали.

Она даже имя мальчика помнила, Лок.

Озорной рыжеволосый малец дважды перепутал ящики с минеральными пластинами и однажды так виновато помогал ей раскладывать всё обратно, будто разрушил половину галереи. Через неделю Лайра спросила у распорядителя, как он устроился.

— Перевод завершён, — ответили ей тогда, не отрываясь от списка поставок. — Его новый мастер принял обязательства.

Через месяц Лайра спросила ещё раз. Ей предложили заниматься хозяйственным учётом и не вмешиваться в дела

наставников.

После третьего вопроса ей напомнили, что переведённый воспитанник больше не относится к дому мастера Кайрена.

Лайра тогда разозлилась. Она ведь спрашивала, как ребёнок поживает и нравится ли ему новое место, а отвечали словно для этого требовался отдельный допуск.

Потом были другие дела. Треснувшее дерево в двух рамах, задержанная поставка редких пигментов, подготовка галереи к заказчикам. Сейчас тот же мужчина вёл другого ребёнка через галерею, которая ночью должна была быть закрыта. Как-то много странностей накопилось за годы.

Шаги удалялись.

Лайра дождалась, пока последний звук уйдёт в глубину служебного коридора, и вернулась к повороту. У самого порога на тёмном полу лежало что-то светлое.

Крошка металла, Лайра присела и подняла находку.

Осколок оказался меньше ногтя, тонкий, слегка изогнутый. Поверхность была матовой, край — неровным. Повертела кусочек между пальцами и вспомнила узкую полосу на запястье мальчика.

Она убрала осколок в карман.

На обратном пути Лайра уже не смотрела на картины. Ей мешала другая деталь — ведомость на столе.

Третий день она пыталась понять, почему та не сходится.

Лист попал к ней вместе с хозяйственными бумагами галереи и выглядел достаточно привычно: номера, размеры,

материалы, отметки о выдаче. Только итог не совпадал с реальным расходом. Лайра дважды возвращала ведомость на уточнение и оба раза получала её обратно без исправления.

Сегодня собиралась вернуть её в третий раз и уже приложила собственный расчёт.

Лайра села и разложила ведомость рядом с журналом материалов.

Цифры не изменились.

Она провела пальцем по строкам. Двенадцать. Четырнадцать. Семнадцать.

На семнадцатой отметке стояла оправа.

Лайра вынула из кармана металлический осколок и положила рядом.

В голове взыграла мысль, что все это глупость.

Она работала с десятками оправ. Картины, миниатюры, минеральные вставки, световые пластины, реставрационные крепления. Одно слово ничего не доказывало, а цифра тем более.

И всё же она снова прочитала строку.

Размер. Проверка. Повтор.

Ни названия произведения, ни мастерской, ни получателя в документе не было, что уже странно.

Лайра подтянула чистый лист и начала переписывать.

Строка за строкой, вместе с датами, обозначениями и чужими пометками на полях. Рука двигалась быстро; это было знакомое занятие, и именно поэтому страх всё ещё не успе-

вал подобрать себе форму. Пока она копировала цифры, существовала задача. Пока существовала задача, можно было не думать, зачем ей понадобилась копия.

На обороте ведомости обнаружился второй лист.

Он был сложен вдвое и до этого держался между страницами за счёт узкого загиба. Лайра нахмурилась. В её бумагах ему делать было нечего.

Заголовок не было.

Несколько коротких строк знаков, номера, даты и группы обозначений, которые она не знала. Часть повторялась. Лайра перечитала сверху вниз.

Одна совпадала с днём, когда из Чертога уехал Лок два месяца назад.

В коридоре что-то тихо щёлкнуло.

Лайра тут же накрыла оба листа рукой.

Ничего. Она подождала, вслушиваясь, затем отпустила бумаги. Переписывать второй лист целиком времени не было.

Она взяла новый клочок и перенесла первые строки. Потом ещё две. Запнулась на незнакомом знаке, срисовала его так, как увидела, и перешла дальше. Если это чьи-то расчёты, утром над собственной мнительностью можно будет посмеяться.

Если нет — она хотела сохранить хоть что-нибудь.

Шорох пришёл уже с другой стороны коридора.

Лайра сложила копию ведомости вчетверо, внутрь поло-

жила неполный список и завернула металлический осколок в край бумаги.

Куда?

Комната отпадала первой. Сумка — ещё хуже. Служебный шкаф проверял любой, кому понадобится журнал. Рабочие ящики галереи перебирали каждую неделю.

Ей вспомнилась разошедшаяся рама.

«Неочевидная связь» стояла в соседней галерее уже много лет. Большое вертикальное полотно Кайрена: два архитектурных фрагмента, разделённые пустым пространством. При боковом свете тени соединяли их в одну линию.

Неделю назад она обнаружила, что нижнее крепление подрамника отошло от холста. Щель была ещё мала, однако достаточно заметна для реставратора. Она взяла со стола маленький рабочий футляр и спешно вышла.

Лайра добралась до «Неочевидной связи» и провела пальцами по нижней части рамы.

Зазор нашёлся сразу.

Она достала узкую рабочую лопатку, осторожно ввела край между деревом и внутренним креплением и надавила. Подрамник поддался на несколько долей. Лайра остановилась, проверила лицевую сторону, затем расширила щель ещё немного.

Слишком заметно.

Она вернула крепление обратно и открыла футляр.

В нём оставался короткий обрезок тонкой металлической

нити. Лайра согнула его ногтем, примерила к внутреннему соединению, переделала. Со второго раза получился слабый крючок. Он держал разошедшуюся часть рамы в привычном положении, а при нажиме снизу отпускал её на ширину двух пальцев.

Мастер бы такое крепление не одобрил.

Эта мысль неожиданно помогла.

Лайра спрятала свёрток за подрамник, отвела дерево обратно и нажала до тихого касания металла. Рама легла на место.

Она отошла, осматривая, подошла ближе, проверила угол. Кивнула и развернулась возвращаясь к прошению.

Отправив прошение тихо выдохнула. Лайра постояла перед узлом отправки, ощущая странную пустоту в ладони.

Из глубины дома донёсся звук двери.

Она повернулась. Нужно было уходить.

Накидка и сумка оставались в учётной комнате. До внешнего выхода — несколько коридоров. Ничего сложного. Она заберёт вещи, выйдет из Чертога и дожждётся ответа Службы в другом месте.

За дверью раздались шаги. Лайра застыла, ощущая как холодеют пальцы.

Звук шагов замер по ту сторону двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.